В стихотворении есть цитата из Пушкина

«И папа поёт мне: «Как ныне собирается вещей Олег...»» - эта строчка из исторической баллады Александра Сергеевича Пушкина — «Песнь о вещем Олеге». Старый кудесник (волхв, волшебник) предсказывает Вещему Олегу, что он «примет смерть от коня своего». Олег пытается избежать этого, но пророчество всё равно сбывается, хотя и не так, как ожидалось: годы спустя князь Олег подошёл к скелету своего уже умершего коня, лежащему на холме, из черепа лошади выползла ядовитая змея и укусила князя.

Поэт считал, что наша память — собирает детали времени

В «Памятных записках» (это сборник рассказов Самойлова) он пишет об этом стихотворении: «Интересное свойство памяти. Когда мы вспоминаем целый период жизни, мы, в сущности, не помним всего протяжения времени, а лишь детали, узоры на бесконечном сером полотне. Эти детали и соединяются в один день, который для нас — картина того или иного времени. А нахватаны частности из разных дней. Память художественна. Помним день, а кажется, что помним время».

Самойлов плакал об отце

Из воспоминаний Давида Самойлова:

«Я понимаю теперь, что чувствовал это где-то с самого раннего детства. В мою любовь к отцу всегда примешивалась доля жалости. Он вошёл в мою жизнь какой-то жгучей лирической нотой, ещё неразгаданной до конца. И в стихотворении «Я маленький. Горло в ангине» я плачу не о бренности мира, это литература. Я плачу об отце. И позже я плакал о нём. И в нём о себе. Дождь идёт. Осень. Сумерки. Я иду по городу, руки затолкав в карманы. Иду отцовской походкой, усталый. У меня болят ноги. Я думаю о доме и о работе. Я – отец. Но думаю почему-то: «Бедный папа!». И слёзы наворачиваются на глаза. И он – я знаю, – также, бредя по дождливому городу, полный забот и усталый, думает: «Бедный сын!». Наверное, ни я, ни он не были никогда бедными. Но в этой взаимной мысли была какая-то высшая жалость, связывавшая нас без слов. Может быть, жалость об утраченном общем детстве и тоска об утрате друг друга. Отец – моё детство. Ни мебели квартиры, ни её уют не были подлинной атмосферой моего младенчества. Его воздухом был отец».